

УДК930.26+947.04

О НЕКОТОРЫХ ХАРАКТЕРНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЦУСИМСКОЙ ТЕМЫ

Дмитрий Витальевич ЛИХАРЕВ,

доктор исторических наук, декан исторического факультета, Уссурийский государственный педагогический институт, г. Уссурийск.
E-mail: Likharev_DV@mail.ru

Статья содержит анализ основных тенденций развития современной российской историографии цусимской темы. Автор предлагает новую периодизацию и классификацию русской, советской и постсоветской литературы о Цусимском сражении.

Ключевые слова: Цусимское сражение, историография, новейшие тенденции, дискуссионные проблемы.

On some of the most characteristic tendencies in modern Russian researches of Tsushima theme.
D.V. LIKHAREV.

Key words: Tsushima battle, historiography, latest trends, debatable problem.

До сегодняшнего дня в российских исследованиях, пожалуй, не было попыток периодизации и классификации русской, советской и постсоветской исторической литературы о Цусимском сражении. Историографические обзоры, предваряющие труды некоторых современных историков на эту тему, как правило, слишком поверхностны и лаконичны. Авторы таких обзоров в эволюции точек зрения на причины цусимского поражения обычно выделяют три этапа, прочно увязывая их с основными эпохами российской истории: дореволюционный (1905—1917), советский (1917—1991) и постсоветский (после 1991 г.).

Показательна характеристика этих периодов в работе В.Д. Доценко «Мифы и легенды русской морской истории»: «В литературе, вышедшей до 1917 г., старались больше писать о подвигах. В одно время к этим со-

бытиям относились несколько упрощённо, сваливая вину за поражение либо на загнивающий царизм, либо на бездарно командующего эскадрой вице-адмирала З.П. Рожественского (имеется в виду советский период. — Д.Л.). Затем появились публикации, в которых предпринимались попытки не только оправдать Рожественского, но и сделать из него героя-мученика режима, талантливого флотоводца, который не выиграл сражение только из-за низкого качества артиллерии и кораблей»¹.

Если отказаться от такого поверхностного подхода, то традиционная периодизация историографии окажется вовсе не бесспорной, а хронологические границы основных её этапов не столь очевидными. В дореволюционной мемуарной литературе и публицистике мнения разделились практически сразу. Достаточно вспомнить полемику Л.Ф. Добротворского с Н.Л. Кладом или В.И. Семёнова с критиками З.П. Рожественского. Наиболее радикальным и последовательным критикам действий высшего морского командования и царского режима в целом, таким как В.П. Костенко и А.С. Новиков-Прибой, не говоря о В.И. Ленине, который тоже высказался в печати по цусимской теме, не пришлось менять своих убеждений и после 1917 г.

Было бы не совсем правильно утверждать, что с наступлением советской власти полностью прервалась дореволюционная традиция в исследовании русско-японской войны. В 20—30-х гг. продолжала сохраняться даже персональная преемственность в лице Н.Л. Кладов, Б.Б. Жерве, П.Д. Быкова, В.Е. Егорова, В.А. Белли — морских офицеров дореволюционной школы, продолжавших жить и работать в советской России. Участники Цусимского сражения и его историки, оказавшиеся после 1917 г. в вынужденной эмиграции, не прекратили публицистической деятельности. За рубежом продолжали выходить их воспоминания, статьи и монографии. Советские историки учитывали их точки зрения в своих работах.

Однако напрашивается несколько иная периодизация российской историографии Цусимы, не столь тесно привязанная к политической истории России XX в. и в большей степени опирающаяся на свою внутреннюю логику. Исходя из этого принципа, представляется целесообразным продлить первый этап её развития с 1905 г. до середины 1950-х гг. Несмотря на то что в данный период появился целый ряд исследований по истории Цусимского сражения, суть его определилась прежде всего процессом формирования источниковой базы проблемы. В первые пять десятилетий, прошедших со времени Цусимы, вышли из печати важнейшие известные на сегодняшний день опубликованные источники. Преобладающий жанр — мемуарная литература. Именно в середине 50-х гг. увидели свет последние мемуары живых участников Цусимского сражения. В СССР — это воспоминания А.В. Магдалинского (1954)² и В.П. Костенко (1955)³. Почти одновременно (в 1956 г.) в Нью-Йорке на русском языке

публикуется «Цусимский бой» Г. Александровского — последняя книга на эту тему, вышедшая из-под пера представителя русского зарубежья⁴. С их появлением завершается первый этап развития историографии цусимской темы.

На втором этапе (1955—1991) освещение и интерпретация событий русско-японской войны на море становится исключительно уделом официальной исторической науки в СССР. За рубежом русскоязычная литература на цусимскую тему больше не выходит. Монография В.А. Золотарёва и И.А. Козлова «Русско-японская война 1904—1905 гг. Борьба на море», вышедшая в 1990 г., по праву может считаться последним классическим советским трудом на эту тему⁵.

С 1991 г. начался новый этап в истории изучения Цусимы в России. Граница эта условна, поскольку некоторые присущие ему характерные особенности начали проявляться уже в «перестроечную» эпоху второй половины 80-х гг. и даже ранее. Однако в полной мере они стали господствовать только в специфических условиях постсоветской России. На характерных чертах и тенденциях современной российской историографии Цусимского сражения стоит остановиться подробнее.

Главной приметой новой эпохи, в том числе и в освещении событий русско-японской войны, стал широкий плюрализм мнений. Исчезновение цензуры, появление коммерческих издательств, частным образом издаваемых журналов и альманахов привели к тому, что практически каждый желающий получил возможность высказаться на интересующую его тему. Следствием новых условий стали публикации о Цусимском сражении, вышедшие из-под пера историков-любителей. Многие из них содержали весьма экзотические концепции, «разоблачения» и прочий сенсационный материал. Эта тенденция коснулась не только цусимской темы, но и многих других разделов российской и всемирной истории. Данное явление получило название «фольк-истори». Было замечено, что «фольк-истори» развивается в соответствии с присущими ей закономерностями. Так, «альтернативная» история тщательно копирует академическое научное сообщество. В этой среде складывается своя шкала ценностей: частные периодические издания начинают делиться на «престижные» и «непрестижные», среди авторов выделяются «авторитеты» и «маргиналы» и т.д. Как правило, представители «альтернативной» истории весьма критически настроены по отношению к историкам от официальной академической среды: «Показательно, что такие работы выполняются дилетантами (в лучшем значении этого слова), поскольку «профессионалы» уклонились от исследования подробностей сражения (не та школа!), предпочитая, да и то в редких случаях, заниматься пересказом давно известного (примером может послужить описание сражения в книге профессоров В.А. Золотарёва и И.А. Козлова «Русско-японская война 1904—1905 гг. Борьба на море»)»⁶.

В академической исторической науке современной России методологический плюрализм, как это ни парадоксально, сосуществует с нежеланием многих историков втягиваться в какую бы то ни было дискуссию. Хотя существующие разногласия очевидны, их обычно стараются не замечать или, по крайней мере, не привлекать к ним внимания. Исследователи-любители, напротив, охотно вступают в дискуссии как друг с другом, так и с представителями официальной науки. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться с пространными рецензиями журнала «Флотомастер», в которых члены редколлегии громят труды Р.М. Мельникова, или с монографией И.М. Кокцинского, посвятившего отдельную главу полемике с И.Л. Буничем. Публикации Бунича и Мельникова, безусловно, заслуживают критического разбора. Однако лексикон этих дискуссий весьма далёк от академических стандартов, а иногда и простых приличий. «Откровенная ахинея, приправленная разухабистым хамством» — только один из эпитетов, которыми Борис Соломонов награждает двухтомную монографию Р.М. Мельникова об эскадренном броненосце «Цесаревич». Не уступает ему и И.М. Кокцинский: «Прочитав И.Л. Бунича, стоит пожалеть, что он, держа в руках действительно редкие профессиональные документы (к ним я отношу и букварь), не сумел разобратся в них, а занялся письменным террором. Автор измучился сам и нас измучил»⁷. В характере этих дискуссий заключается ещё один парадокс «альтернативной» истории — она является продуктом демократизации и свободы слова в постсоветской России, но её представители проявляют большевистскую нетерпимость к чужим мнениям.

Ни одно значительное историческое событие не обходится без шлейфа вымыслов и мифов. Не стала исключением и цусимская эпопея. Пик мифотворчества о решающем морском сражении русско-японской войны в России пришёлся на дореволюционные годы. По свидетельству А.С. Новикова-Прибоя, пленные русские матросы с кораблей отряда Н.И. Небогатова были поражены отсутствием видимых повреждений на японских броненосцах и крейсерах. Они не могли поверить, что за сутки до этого вели с ними многочасовой жестокий бой. В матросской среде немедленно родилась легенда: в Цусимском проливе эскадра Рождественского сражалась с английским флотом!

Даже такой авторитетный публицист и участник Цусимского боя, как Л.Ф. Добротворский, упорно настаивал на том, что большинство русских броненосцев в сражении 14 мая погибли от действий японских подводных лодок. Истоки и сущность прошлых мифов темы достаточно подробно разобраны в монографии В.Я. Крестьянинова⁸. Официальная советская историография давно уже не оставила от них камня на камне, казалось бы, закрыв этот вопрос навсегда. Однако с появлением «альтернативной» истории Цусимского сражения начался новый всплеск мифотворчества. Беспрецедентный разгром 2-й Тихоокеанской эскадры при

минимальных потерях японского флота породил идею, что тут не обошлось без сверхъестественных сил. И.Л. Бунич с полной серьёзностью утверждал, что японское командование тренировало корабельных артиллеристов по методу «цакуга-дзен» — способу стрельбы из лука, который использовали средневековые самураи: «...Если в твоих руках лук и стрела, не целясь, а соединишься с одним из превращений Будды — и твоя стрела попадёт точно в цель»⁹.

В сражении 28 июля 1904 г. в Жёлтом море, пишет И.Л. Бунич, Того Хейхатиро ещё не решился использовать «цакуга-дзен», поскольку «ещё не был уверен в милости богов». Подходящий момент наступил в день Цусимы. «Что-то страшное, жуткое и непонятное произошло на японских броненосцах, о чём никто впоследствии толком рассказать не мог. Души и помыслы всех людей слились в единую силу, энергия которой поступала из источника, чьё название невозможно точно перевести на бедные философскими терминами европейские языки, ибо энергия эта шла из того невидимого мира, который с момента появления человека на земле окружает его своей таинственной силой, порождая религии и мифы, столь разные и столь удивительно общие для всего человечества. И эта энергия превратила броненосцы и людей в единое сверхъестественное существо, подобное легендарным драконам, покидающим в течение веков в трудный для народа Японии час свои небесные дворцы и появляющиеся на земле, чтобы своим страшным огнём испепелить полчища врагов...»¹⁰

Чтобы исключить у читателя всякие сомнения в реальности происшедшего, И.Л. Бунич призывает в свидетели лейтенанта флота США Роберта Уайта, который в тот момент находился на борту эскадренного броненосца «Сикисима»: «Всё, что он увидел, было настолько нереально, что американскому офицеру показалось каким-то кошмарным сновидением. Он никогда бы не поверил, что армстронговские башни главного калибра могут развить такую скорострельность. Залпы следовали один за другим, как будто это были не 12-дюймовые орудия с отдельным заряжанием и продольной нарезкой, а митральезы... Уайт с ужасом подумал, что вот сейчас башни японских броненосцев начнут взрываться одна за другой и весь флот Того либо вознесётся куда-то в небеса, либо низринется в страшную пучину. Американцу стало трудно дышать, ему показалось, что какая-то сила приподнимает его в воздух, чтобы швырнуть за борт прямо в огромные гейзеры русских недалётов. Уайт судорожно вцепился в поручни и взглянул в сторону русских. Четыре первых корабля русской эскадры были охвачены пламенем гигантских пожаров, которые на глазах разгорались всё сильнее, превращаясь в огненный смерч»¹¹.

Примером мистификации другого рода является книга Г.В. Озерова и К.Г. Озерова «Правда о броненосце „Сисой Великий“»¹². Отец и сын Озеровы создали настоящий панегирик своему прадеду Мануилу Васильевичу Озерову, который в звании капитана 1 ранга командовал в Цусим-

ском сражении эскадренным броненосцем «Сисой Великий». Авторы этого труда без ложной скромности объявляют, что их творение «не имеет аналогов ни в отечественной, ни в мировой литературе». По их утверждению, им понадобилось десять лет, чтобы по крупицам собрать сведения об экипаже броненосца и его командира, в том числе из источников, закрытых в советское время.

«Правда о броненосце «Сисой Великий» открылась только сейчас и только отцу и сыну Озеровым. Причина в том, что на протяжении предшествующих десятилетий другие участники Цусимского сражения эту «правду» тщательно скрывали: «Нужно было прочесть сотни страниц и перелистать тысячи архивных документов, чтобы понять причину странного умолчания о «Сисое Великом». Моряки с мужественно сражавшихся кораблей погибли, а уцелевшим было «неудобно» говорить о «Сисое Великом». Слишком разителен был контраст между ними и «сисоевцами», испившими всю горькую чашу до дна»¹³. Авторы словно забыли, что буквально в предыдущем абзаце, на той же странице они утверждали, что «почти вся команда броненосца осталась в живых»¹⁴.

Однако следующая ниже характеристика источников не оставляет камня на камне от сенсационных и конспирологических построений Г.В. и К.Г. Озеровых. «Их, как и евангелистов, будет тоже четверо: командир М.В. Озеров, старший офицер Г.А. Иванов, старший минный офицер Э.Э. Овандер, младший минный офицер А.В. Витгефт. Свидетельства этих четырёх людей и составили конспект нашей книги»¹⁵. И на изучение этого круга источников авторам потребовалось десять лет.

Тексты рапортов и протоколы показаний М.В. Озерова и Г.А. Иванова в следственной комиссии, также как рапорты и показания других офицеров и командиров кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры, были опубликованы ещё до революции в официальном многотомном издании Главного Морского штаба¹⁶. Лаконичные воспоминания Э.Э. Овандера и А.В. Витгефта, давно опубликованные в открытой печати, никак не тянут на «великое открытие»¹⁷. Перечисленные Г.В. Озеровым и К.Г. Озеровым источники хорошо известны специалистам. Доступ к ним могли получить все желающие, в том числе и в советские времена.

«Правда о броненосце «Сисой Великий» характеризует её авторов как закоренелых клерикалов. Божественный промысел присутствует буквально на каждой странице. Вот достаточно характерный пассаж: «Рассмотрев все обстоятельства, приведшие к чудесному спасению экипажа броненосца, нельзя согласиться с мнением В. Семёнова, что в этой войне не оправдал себя старый клич земли русской — «С нами Бог!». Бог был с ними... Именно изыск Божьей милости, выпавший на долю «Сисоя», и дал авторам этой книги силы десять лет изучать документы и материалы в архивах и библиотеках»¹⁸. На с. 122 отец и сын Озеровы в очередной раз вступают в противоречие с приведённым выше заявлением со стр. 5:

«Да, страшен суд Господа. В Корейском проливе он наказывал русских за имперскую гордыню, и за блуд всякого рода, и за убийства своих царей и министров внутренних дел, и за все грехи, которые накопились в России за тысячу лет»¹⁹.

Второй после божественного промысла лейтмотив этого сочинения — «магия крови». Корни знатного рода Озеровых авторы с уверенностью обнаруживают аж в VI в. н.э. Потомственный боярин-аристократ, по их мнению, это совершенно особый человек, сильно отличающийся от обычных людей. Именно кровь древнего знатного рода, которая текла в жилах М.В. Озерова, позволила ему собраться и наилучшим образом проявить себя в самые критические моменты Цусимского сражения: «Он ушёл в себя, твёрдо и чётко отдавал распоряжения. Чем-то былинным повеяло от этого крепко сложенного, седовласого капитана с благородными чертами лица. Все на корабле, от рядового кочегара до амбициозного старшего офицера, подчинились воле командира. Он, повторяя слова Шопенгауэра, согнул их волю, как гнут тонкие восковые свечи. Именно в этот момент проявилось полное властолюбие и мощь его натуры. Он всех сжал в свой железный кулак. И сделал это так спокойно и уверенно, что многие из офицеров искренне осознали свою самонадеянность и неопытность... В командире проснулся властный помещик, который привык подчинять себе землепашцев, а если понадобится, то и дружинников»²⁰.

Возвеличивание М.В. Озерова достигается, в том числе, за счёт принижения других участников Цусимского сражения. Ярким контрастом героизму экипажа «Сисоя Великого» служит «трусливое» поведение крейсерских сил контр-адмирала О.А. Энквиста. «Тогда, в майскую ночь 1905 г., когда разбитый в бою «Сисой» как никогда нуждался в помощи, крейсерский отряд, куда входила и «Аврора», бросил его на произвол судьбы и на всех порах убежал от неприятеля... Он (М.В. Озеров. — Д.Л.) вспомнил жалкие оправдания О. Энквиста, флагмана крейсерского отряда: «Мы ушли, чтобы спасти тысячу двести молодых жизней». Новейшие боевые крейсера «Олег», «Аврора» и «Жемчуг» с потушенными огнями, на полной скорости, шарахаясь от рыбацких джонок, растворились в ночной мгле. Был забыт даже приказ адмирала З.П. Рожественского и требование воинского устава спасать погибающих товарищей. Малодушие флагмана Энквиста, уведшего крейсера с поля боя, привело к ужасной гибели до полутора тысяч моряков с броненосцев «Бородино» и «Наварин», едва не погубило тонущий «Сисой Великий»²¹.

И вот, в ночь на 25 октября 1917 г. отставной уже контр-адмирал М.В. Озеров становится свидетелем того, как «Аврора» открывает огонь по Зимнему дворцу, возвестив тем самым начало социалистической революции в России. Удивляться тут нечему: кто предал один раз, тот предаст и во второй. В отличие от К.Г. и Г.В. Озеровых «Аврора» как будто живёт своей, отдельной зловерной жизнью, независимой от воли эки-

пажа. А что ещё можно предположить? Ведь за прошедшие 12 лет цусимский экипаж «Авроры» уже давно сменился.

При внимательном чтении книги обнаруживается большое количество ошибок и фактографических неточностей. Когда авторы используют такие обороты, как «шестидюймовый снаряд попал в путевую на мостике рубку», или утверждают, что А.С. Новиков-Прибой служил на броненосце «Орёл» «госпитальным санитаром», это следствие элементарного невежества в области военно-морской истории²². Наряду с подобными ляпами в ряде случаев авторы идут на сознательное искажение источников. Г.В. Озеров и К.Г. Озеров о командире броненосца «Сисой Великий» пишут буквально следующее: «Лишь только поздним вечером, когда в серой дымке скрылись родные берега, а на судне закончились работы и прошла вечерняя молитва, Мануил Васильевич смог, наконец, уединиться в своей каюте. Несколько рюмок любимой малаги помогли снять напряжение»²³.

По всей видимости, А.В. Витгефт оказался для авторов «Правды о броненосце «Сисой Великий» не слишком удобным свидетелем. О том, как снимал напряжение командир броненосца, он писал достаточно недвусмысленно: «Однако с первых же встреч особых симпатий я к командиру не питал, благодаря тому, что он не только сам пьянствовал ежедневно и вечером уезжал продолжать опять это домой, но и приучал к этому и офицеров, в особенности молодых и слабохарактерных»²⁴.

По свидетельству А.В. Витгефта, всеми делами на корабле занимался старший офицер, капитан 2 ранга Г.А. Иванов, которому вместо благодарности приходилось терпеть «окрики и пьяные выходки не успевшего ещё протрезветь командира». Во время похода 2-й Тихоокеанской эскадры Мануил Васильевич Озеров продолжал напиваться, «доходя до полной невменяемости». И только угроза старшего офицера доложить обо всём З.П. Рождественскому заставила М.В. Озерова отказаться от своего пристрастия²⁵.

К сожалению, любительские исследования последних двух десятилетий породили немало образов, подобных «Правде о броненосце «Сисой Великий». Вместе с тем автор статьи не склонен вслед за некоторыми представителями официальной исторической науки давать однозначно негативную оценку «альтернативной истории» Цусимы. Многие историки-любители в своих публикациях продемонстрировали обширную эрудицию, глубокие знания мельчайших деталей и эпизодов похода 2-й Тихоокеанской эскадры и самого Цусимского сражения. Труд И.М. Кокцинского, например, несмотря на всю его громоздкость и стилистическую неудобоваримость, по-новому высвечивает многие аспекты военных действий на море во время русско-японской войны. К некоторым проблемам, освещаемым этим автором, российская академическая наука за прошедшие 100 лет даже не приступала.

Гораздо большую тревогу вызывает катастрофическое снижение уровня исследований некоторых представителей академической науки. Примером может послужить научное творчество доктора исторических наук А.И. Уткина, ведущего научного сотрудника Института США и Канады, автора многочисленных биографий американских президентов. В научной среде А.И. Уткин известен как весьма плодовитый автор, у которого нередко выходили из печати по 2—3 монографических исследования в год. В последнее время он обратился к темам далёким от американистики, которая является его научной специализацией. Так, в 1999 г. вышла в свет подготовленная им биография Уинстона Черчилля. За ней последовала книга об участии России в Первой мировой войне. В 2005 г. А.И. Уткин «обогастил» российскую историографию своим видением русско-японской войны 1904—1905 гг.²⁶

Последняя из перечисленных работ А.И. Уткина поражает вопиющим невежеством автора в изложении военно-морских сюжетов русско-японской войны, исключительной небрежностью обращения с общеизвестными фактами, географическими названиями, именами собственными. Всесильный китайский министр Ли Хунчжан именуется то Ли Хунчаном (с. 34), то Ли Хунджаном (с. 44), адмирал Уриу выступает то как Урийю (с. 133), то как Юрийю (с. 137). Известного дореволюционного мемуариста и историка русско-японской войны капитана 2 ранга В.И. Семёнова Уткин повысил до должности командира крейсера «Диана», интернированного в Сайгоне (с. 278). Через четыре страницы В.И. Семёнов стоит рядом с адмиралом З.П. Рожественским уже в качестве командира его флагманского броненосца (с. 252). Однако почти через сто страниц выясняется, что «Князем Суворовым» командовал всё-таки другой офицер — капитан 1 ранга В.В. Игнациус, который почему-то «стоял на мостике в домашних тапочках» (с. 365).

Командующего английским флотом метрополии адмирала Чарльза Бересфорда Уткин переименовал в Бересдорфа и возвысил до поста первого морского лорда (с. 281). Бересфорд действительно рассматривался в качестве претендента на эту высшую должность в военно-морской иерархии Великобритании, но занять её ему так и не удалось.

«Во Владивостоке, — пишет А.И. Уткин, — под командованием контр-адмирала Эссена находилась группа крейсеров — «Россия», «Рюрик», «Громобой» и «Богатырь» (с. 154). Судя по этой цитате, автор не делает различий между Николаем Оттовичем Эссенем и Карлом Петровичем Йессеном. Капитан 1 ранга Н.О. Эссен командовал крейсером «Новик» в составе Порт-Артурской эскадры, а затем был назначен С.О. Макаровым командиром эскадренного броненосца «Севастополь». Владивостокским отрядом крейсеров командовал контр-адмирал К.П. Йессен.

Внимательного читателя уткинской «Русско-японской войны» ожидает немало географических открытий. Он узнаёт, что в Китае есть г. Ки-

рин (с. 66, явная калька с английского), в Северной Корее протекает р. Тюмень, что Сангарский пролив может быть одновременно и проливом Цугару (с. 360) и заливом Цугару (с. 361), а экспансионистские планы Российской империи предусматривали аннексию не только Северной Монголии и Северной Маньчжурии, но и какой-то таинственной Джулии, видимо, тоже входившей в состав Китая (с. 430).

Для иллюстрации познаний Уткина в технических сторонах военноморской истории приведём две цитаты: «Мощный крейсер «Варяг» был построен в Соединённых Штатах, в Филадельфии всего несколько лет назад. В систему его вооружения входили 12-дюймовые пушки, но в целом вооружение «Варяга» не было завершено, что ослабляло его силу и огневую мощь»²⁷. О гибели эскадренного броненосца «Хатсусе»: «Русская мина взорвалась под задней частью корабля, снесла килевое рулевое устройство и повредила моторную часть»²⁸. Приведённые цитаты оставим без комментариев. Любой человек, даже поверхностно интересовавшийся историей русско-японской войны на море, по достоинству оценит эти чудовищные нелепицы.

Язык и стиль этой работы, несомненно, выделяют её из всего потока современной российской литературы о русско-японской войне.

- «Его правление началось весёлым и лёгким авантюризмом...» (о Николае II, с. 48).
- «Ему мешал ревматизм, но подчинённые его боялись смертельно» (об адмирале Того, с. 99).
- «Периодически бушевали шторма, северный ветер разбивал лёд, и молодые, неловкие новобранцы находили себя в полыньях» (с. 46).
- «То была внушительная и беспомощная цель» (о миноносце «Внушительный», с. 157).
- «14 октября дождь свирепо присоединился к прочим тяготам жизни» (с. 266).

В завершении своей книги А.И. Уткин сделал краткий экскурс в события российской истории, последовавшие за русско-японской войной. В этом разделе есть фраза, которая может считаться достойным венцом бесчисленных глупостей и несуразностей, содержащихся в данном труде: «Выход России из Первой мировой войны (Брест-Литовский мир) вызвал ярость антигитлеровской коалиции»²⁹. Чем объяснить эту удивительную неряшливость в обращении с фактическим материалом, которую демонстрирует историк, увенчанный самыми высокими учёными степенями? Прежде всего, невероятной спешкой, с которой писалась эта книга. Поспешность, в свою очередь, стала следствием погони за коммерческим успехом, а возможно, и за признанием в научном сообществе, которое в понимании А.И. Уткина измеряется количеством крупных публикаций, но отнюдь не их качеством.

Таковы наиболее характерные тенденции в российских исследованиях цусимской темы, наметившиеся в последние полтора–два десятилетия. К сожалению, они пока не внушают оптимизма. Неумение работать с источниками подчас приводит непрофессиональных исследователей к грубым фактографическим ошибкам, выдвиганию экзотических и упрощённых концепций, стиранию граней между гипотезами и фактами. Свои книги такие авторы пишут без учёта достижений предшественников, а полемика между ними нередко выходит за рамки научной этики и даже элементарных приличий.

-
- ¹ Доценко В.Ф. Мифы и легенды русской морской истории. СПб., 1997. С. 104—105.
  - ² Магдалинский А.В. На морском распутье. Ярославль, 1954.
  - ³ Костенко В.П. На «Орле» в Цусиме. Л., 1955.
  - ⁴ Александровский Г. Цусимский бой. Нью-Йорк, 1956.
  - ⁵ Золотарёв В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904—1905 гг.: Борьба на море. М., 1990.
  - ⁶ Шувалов Е.М. Цусима: в защиту традиционных точек зрения от аналитического мифотворчества // Корабли и сражения: Морской исторический альманах / под ред. В.В. Арбузова. СПб., 1995. С. 21.
  - ⁷ Кокцинский И.М. Морские бои и сражения русско-японской войны, или причины поражения: кризис управления. М., 2002. С. 330.
  - ⁸ Крестьянинов В.Я. Цусимское сражение 14—15 мая 1905 г. СПб., 2003. С. 256—259.
  - ⁹ Бунич И.Л. Мученик Цусимы. СПб., 1999. С. 319.
  - ¹⁰ Там же. С. 322—323.
  - ¹¹ Там же. С. 323.
  - ¹² Озеров Г.В., Озеров К.Г. Правда о броненосце «Сисой Великий» (Цусима): Ист. хроника. Вильнюс, 2001.
  - ¹³ Там же. С. 5—6.
  - ¹⁴ Там же. С. 5.
  - ¹⁵ Там же. С. 7.
  - ¹⁶ Русско-японская война 1904—1905 гг. Действия флота. Документы. Издание исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904—1905 гг. при Морском генеральном штабе. Отдел IV. 2-я Тихоокеанская эскадра. Книга третья. Бой 14—15 мая 1905 года. Вып. 1—3; Донесения и описания участников боя. СПб., 1907. 352 с.; СПб., 1907. С. 353—714; СПб., 1912. 331 с.; Показания в следственной комиссии. СПб., 1914. 443 с.; СПб., 1914. 366 с.
  - ¹⁷ Овандер Э.Э. Заметки о 2-й Тихоокеанской эскадре // Известия общества офицеров флота. Год шестой. СПб., 1913; Витгефт А.В. Воспоминания А.В. Витгефта о сражении при Цусиме // Исторический архив. 1960. № 4. С. 111—141.
  - ¹⁸ Озеров Г.В., Озеров К.Г. Указ. соч. С. 5.
  - ¹⁹ Там же. С. 122.
  - ²⁰ Там же. С. 129—130.
  - ²¹ Там же. С. 8—9.
  - ²² Там же. С. 127, 3—4.
  - ²³ Там же. С. 54.
  - ²⁴ Витгефт А.В. Указ. соч. С. 117.
  - ²⁵ Там же. С. 117—125.
  - ²⁶ Уткин А.И. Русско-японская война. В начале всех бед. М., 2005.
  - ²⁷ Там же. С. 134.
  - ²⁸ Там же. С. 188.
  - ²⁹ Там же. С. 438.